

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРАВОВОЕ
ГОСУДАРСТВО*Х. БАЛЗЕР***Управляемый плюрализм:
формирующийся режим В. Путина***

Двигается ли Россия под руководством президента В. Путина к консолидированной демократии или к чему-то иному? Не затемняют ли понятия "демократия" или "авторитаризм" (даже с поправками) характерные черты этого режима? В данной статье я попытаюсь дать ответы на эти вопросы.

Рассматривая постсоветский ландшафт, можно увидеть примеры консолидированной демократии (по-видимому, успешные), несколько новых авторитарных режимов и ряд режимов, "застывших" в переходном состоянии. Десятилетие спустя стало очевидно, что системы, претерпевшие лишь частичные преобразования, в целом добились меньших успехов, чем те, которые подверглись быстрым изменениям либо не были реформированы вообще [Aslund, 2001; Hellman, 1998; Frye, 2002; Montinola, Jackman, 2002]. Оказалось, что некоторые особенности коммунизма в наибольшей степени затрудняют переход к либеральной демократии [Howard, 2003; 2002; Inglehart, 2000]. Те из нас, кто думал, что значительный человеческий потенциал, имеющийся в посткоммунистических странах, даст им некоторое преимущество, осознали, что это необходимое, но отнюдь не достаточное условие для успешного экономического и политического развития.

Политические режимы, при которых руководители побеждают на относительно свободных, но вряд ли справедливых выборах, получили разные определения: электро-ральные, виртуальные, нелиберальные, делегированные, властные, частичные, направляемые или неполные демократии, конкурентные или гибридные авторитарные. Эти по-разному определяемые варианты демократии и авторитаризма создают концептуальную путаницу. Упомянутые варианты – телеологические, поскольку подразумевают, что подобные общественно-политические системы развиваются, соответственно, в направлении либо демократии, либо авторитаризма. Некоторые из этих ре-

* Данная работа была изначально подготовлена для семинара по системным изменениям и международной безопасности в России и новых государствах Евразии, проходившего в Школе углубленного изучения международной политики при Университете Дж. Гопкинса. Переработанная версия была представлена на обсуждение на семинаре Фонда Карнеги в мае 2003 г. Я благодарю участников этих двух семинаров за ценные замечания и критику, а также выражаю признательность Е. Иванюшиной за перевод статьи. Английский ее вариант опубликован в журнале "Post-Soviet Affairs" (2003. № 3). Автор благодарит V.H. Winston and Sons Ltd за право использовать статью при подготовке русского варианта.

жимов, возможно, придут к консолидированной демократии, но в Средней Азии они, безусловно, попадут в категорию авторитарных. Вместе с тем очевидно, что некоторые из вновь возникающих политических систем чем-то отличаются как от демократии, так и от авторитаризма. Общее для таких режимов – настойчивые утверждения об "особом пути" нации и неоднозначный отклик на разнообразие, сопровождающее глобализацию. Они пытаются одновременно и поддерживать, и ограничивать разнообразие. Такую систему можно определить как управляемый плюрализм¹.

Управляемый плюрализм

Управляемый плюрализм не предписывает единой государственной идеологии; скорее, государство ограничивает идеологии, которые слишком уж выделяются либо угрожают власти. Управляемый плюрализм не требует однопартийной политической системы: государство стремится ограничить участие в политической жизни лишь теми партиями, которые могут поставить под сомнение определенные политические решения либо бюджетные приоритеты, но не способны эффективно противостоять руководству. Средства массовой информации не подвергаются прямой цензуре, но существующие механизмы заставляют их "понимать свою ответственность": они вольны критиковать, но при необходимости их можно приструнить, используя разные меры экономического и физического давления. Малотиражные издания и Интернет становятся одиозными для интеллектуалов, но телевидение и радио вынуждены придерживаться более строгих стандартов. Управляемый плюрализм подразумевает одновременно и поддержку, и ограничение гражданского общества. Руководители государства признают, что деятельность профсоюзов, ассоциаций бизнесменов, неполитических организаций (НПО) и других субъектов гражданского общества необходима для страны, конкурирующей в условиях глобальной экономики и на рынке идеологического влияния. В то же время управляемый плюрализм *стремится* одновременно организовывать и по своему усмотрению ограничивать эту деятельность.

Важно подчеркнуть, что правительство не всегда преуспевает в этих попытках. Руководство режимом управляемого плюрализма хорошо понимает, что удушить все независимые способы выражения и политическое разнообразие невозможно, да и нежелательно. Это явно не тоталитаризм или посттоталитарное "администрируемое общество". Хотя некоторые аспекты управляемого плюрализма и напоминают иногда циничную пропаганду, практиковавшуюся в СССР, тем не менее в условиях этого режима стремление к добровольному коллективному сотрудничеству искренне при условии, что коллективные действия "ответственны" и остаются в разумных пределах. Главное отличие управляемого плюрализма от демократии, где тоже существуют определенные границы, – отсутствие институционализации процессов для установления или изменения этих границ. Кроме того, эта система непредсказуема и не управляется никакими правилами; усиливающаяся опора на институты законности не отменяет вмешательства и произвола. Наконец, режим управляемого плюрализма вызывает к жизни классический вопрос: "кто охраняет охранителей?".

Управляемый плюрализм отличается тем, что руководство, настаивая на произвольности и неопределенности его границ, в то же время не просто признает неизбежность плюрализма, но и прямо поощряет его. В связи с этим мы должны спросить себя: не является ли дискуссия об управляемом плюрализме просто упражнением в клас-

¹ Впервые я встретился с этим термином в применении к России на семинаре Н. Гвоздева в Джорджтаунском университете. В частности, он использовал его для характеристики развития религии в России, отмечая, что управляемый плюрализм позволяет фильтровать конкурирующие и разнообразные идеологии, а также проверять их на предмет сочетаемости с этосом общества, что группы, попадающие за пределы управляемого плюрализма и не способные (или не желающие) приспособиться к общепринятым принципам, лежащим в основе российского общества, рассматриваются как угроза безопасности государства.

сификации, "подтасовкой терминов", затеянной, чтобы подогнать понятия под российские реалии? Нужен ли еще один термин для описания феномена, адекватно выраженного в рамках концепции демократии и с применением разных определений?

Я полагаю, что понятие управляемого плюрализма предоставляет существенные преимущества, оправдывающие его введение. Умножающиеся варианты определений демократии не только не обладают необходимой четкостью, но и внушают необоснованный оптимизм по поводу консолидированной демократии. Кроме того, они специфичны для определенной политической арены. Концепция управляемого плюрализма предоставляет точку опоры для все увеличивающегося числа политических систем (Россия и Китай – два самых ярких, но не единственных примера), но также приложима к религии, культурному разнообразию, средствам массовой информации и к ряду других областей.

Если бы гибридные режимы просто лингвистически прикрывали "авторитарное доминирование", новая категория не потребовалась бы. Основное различие заключается в том, что гибридные режимы могут измениться, хотя для этого нужен "определенный уровень мобилизации оппозиции, ее единства, умений и героизма, заведомо превышающий тот, что обычно требуется при победе в условиях демократии" [Diamond, 2002, p. 24].

Самый обычный "гибрид" – управляемая демократия. Как и опасался Дж. О'Доннелл при обсуждении проблем демократической консолидации, эти термины слишком многозначны, чтобы их можно было удачно совместить. Хуже того, выражение "управляемая демократия" молчаливо подразумевает, что ее можно направить по "более демократичному" пути [O'Donnell, 1996, p. 37–38]. Говоря о плюрализме без демократии, следует подчеркнуть, что управляемая демократия – не есть демократия в истинном смысле этого слова, для ее установления в России потребует смена режима. По мнению В. Банс, "в России имеется крайне невероятная, с серьезными изъянами, но все же прочная демократия". Ее утверждение о том, что "провал с консолидированием демократии в России может объяснить, почему русская демократия все же выжила" [Bunce, 2003, p. 180, 187], как раз прекрасно объясняет, почему я бы не называл существующий российский режим демократическим.

Авторы недавнего исследования по конкурентному авторитаризму [Levitsky, Way, 2002] сформулировали понятие конкурентного авторитаризма, близкое моей концепции управляемого плюрализма: неудовлетворенность умножающимися частными определениями демократий, связанное с этим отсутствие четкости, неприятие телеологических выводов, следующих из "ослабленных" форм "демократии с различными определениями". Кроме того, их целью было описание политических систем на основе проявляемых ими признаков, а не на основании отсутствующих черт.

Концепция конкурентного авторитаризма менее радикально отходит от существующих моделей, чем концепция управляемого плюрализма, но я не разделяю все толкования С. Левицки и Л. Уэй. В частности, я вполне понимаю преимущества описания российской политики с 1990 г. под единым ракурсом ради удобства построения моделей и экономии средств, но, на мой взгляд, ельцинский режим до 1996 г. и путинский режим после 2001 г. представляют собой разные политические феномены. Ранние годы ельцинского режима, пожалуй, были ближе к тому, что Уэй описывает как "плюрализм за неимением альтернативы" [Way, 2002]. Применение одного и того же ярлыка либо скрадывает серьезные различия в характере политических систем, либо требует применения именно тех уточняющих определений, которые Левицки и Уэй отвергают при обсуждении демократии. Конкурентный авторитаризм также подразумевает свою собственную недемократическую телеологию, в то время как управляемый плюрализм оставляет будущие направления развития открытыми.

Левицки и Уэй описывают, чем конкурентный авторитаризм отличается от образцового авторитаризма; при том они особое внимание уделяют четырем областям: выборам, законодательным органам, судебной власти и средствам массовой информации. Особо ценны их описания манипулирования средствами массовой инфор-

мации и способов маскировки манипулирования [Levitsky, Way, 2002, p. 53–54]. Гвоздев приводит подобные описания при сравнении России и Мексики [Gvosdev, 2002, p. 498–500]. Моя формулировка управляемого плюрализма предполагает, что элиты (по крайней мере некоторые) осознают: полностью уничтожить плюрализм не только невозможно, но и нежелательно, даже если они хотят удерживать разнообразие в определенных границах.

Стремление навязать границы подчеркивает, что процесс этот происходит в контексте глобализации, то есть экспансии, скорее, глобальной экономики, нежели мировой. Это отличие вовсе не подразумевает, что страны могут находиться "вне" глобализации. Перед ними даже не стоит выбор, принять глобализацию или нет. Ее воздействие ощущается повсюду. Управляемый плюрализм удовлетворяет потребности интегрирования в глобальную экономику, что неизбежно увеличивает воздействие зарубежных влияний, и вместе с тем не внушает правящей элите чрезмерную неуверенность. Разумные руководители понимают, что они не смогут контролировать все подряд, мир слишком сложен. Лучшим выходом становится контроль за наиболее важными вещами, в частности за средствами массовой информации и выборной активностью при одновременном ограничении разнообразия в ряде других областей деятельности.

Некоторые мои коллеги высказывали мнение, что управляемый плюрализм не слишком отличается от корпоративизма. Понятие корпоративизма подразумевает, что государство служит посредником между хорошо отграниченными, независимыми, организованными интересами, в частности между бизнесом и рабочей силой. Подход Путина иной: он одновременно поддерживает и опекает разные организации, но в то же время применяет произвольные санкции против избранных жертв.

Ряд исследователей [Fish, 1995; Howard, 2003; Remington, 2002] отмечают слабость агрегации и артикуляции интересов в постсоветской России. Т. Ремингтон прямо отказывается называть эту систему корпоративистской и более склоняется к плюралистской [Remington, 2002, p. 155]. Разрозненные интересы и слабые институты больше напоминают "плюрализм за неимением альтернативы", описываемый Уэем [Way, 2002]. Это больше характерно для ельцинской эпохи. Путин же активно стремится вновь утвердить контроль и поощрить "ответственную" общественную деятельность.

Несмотря на серьезную озабоченность, вызванную недавней политической эволюцией в России и связанными с ней структурными проблемами [Balzer, 2003], я полагаю, что по-настоящему серьезным изменением с 1991 г. стала сама возможность дальнейших перемен. Брежневский режим, как его ни называть, был тупиком. Система, установившаяся при Б. Ельцине и измененная при Путине, по крайней мере несет в себе потенциал для дальнейших перемен, даже если многие признаки указывают на тенденции, по меньшей мере допускающие неоднозначные толкования, а зачастую и тревожащие. Эта постмодернистская неоднозначность, так хорошо укладывающаяся в глобализацию, – основная черта управляемого плюрализма. В каждой из семи обширных областей, рассматриваемых ниже, можно видеть, как режим одновременно поощряет независимую инициативу и вместе с тем стремится ограничить ее размах.

Управляемый плюрализм в России

Глобализация побуждает многие режимы одновременно поощрять и ограничивать культурное и политическое разнообразие. Элиты все более осознают, что в условиях развития глобальных экономических и информационных связей невозможно управлять комплексными обществами через монолитные структуры. Даже если бы это было достижимо, чрезмерный контроль обходится слишком дорого, тем самым затрудняя включенность в глобальную экономику [Sassen, 2001; Kiselyova, Castells, 2001]. В качестве альтернативы руководители стремятся ограничить разнообразие и оппозиции, зачастую во имя так называемых "национальных традиций". Эти попытки вызваны также смутным беспокойством общества по поводу увеличившейся скорости информационных потоков, иммиграции и обусловленного ею культурного разнообра-

зия. Одна из возможных реакций на данный процесс проявилась одинаково в России, Франции, Австрии и Германии: каждая из этих стран приняла законы, призванные ограничить деятельность "нетрадиционных" религиозных групп [Gvosdev, 2002].

В России путинская политика простирается на политические партии, средства массовой информации, профсоюзы, общественные организации и ассоциации предпринимателей. Она также сказывается на отношениях с субъектами Федерации (в частности, при выборах губернаторов), с местными органами самоуправления. Закон о политических партиях повышает процентный порог для регистрации партий, препятствуя образованию партий региональных, религиозных и основанных на принципе этнической принадлежности. Хотя сторонники цензуры, существовавшей в советские времена, не добились успеха, независимые средства массовой информации национального масштаба были сильно урезаны в своих правах на свободу слова.

Религия. Федеральный закон "О свободе совести и религиозных объединениях", принятый в 1997 г., признает четыре "традиционных" религии в Российской Федерации: православие, ислам, иудаизм и буддизм. Другие религиозные группы, согласно этому закону, должны зарегистрироваться и получить разрешение заниматься сбором пожертвований, владеть собственностью или брать ее в аренду, либо осуществлять другие действия. В этом законе есть две черты, особенно важные для нашего обсуждения. Во-первых, он закрепляет набор групп, которым предоставляются привилегии, и в то же время допускает политическое вмешательство и коррупцию в тех процедурах, через которые должны пройти иные религиозные группы, чтобы получить возможность действовать в России. Во-вторых, он поддерживает признанные конфессии и в то же время ограничивает остальные.

На первый взгляд, выбор четырех привилегированных конфессий вроде бы имеет историческое обоснование. Тем не менее он игнорирует многолетнее присутствие других религий. Так, в XVIII в. в России появилось (добровольно или по принуждению) множество протестантов. После раздела Польши при Екатерине II в России оказалось немало католиков (не всегда добровольно); большое число поляков было насильственно переселено в глубь России после восстаний 1830 и 1863 гг. Пожалуй, в 1920-х гг. бапсомол и мормсомол (молодежные союзы баптистов и мормонов) насчитывали в своих рядах куда больше членов, чем комсомол. Урезание в правах групп евангельских христиан было, по-видимому, вызвано опасениями (иногда небеспочвенными) православной церкви, что хорошо финансируемые иностранные группы будут использовать свои ресурсы для заманивания русских в конфессии, контролируемые из-за рубежа. Существуют чрезвычайно напряженные споры православной церкви с католической по поводу прав собственности и ектлесиастических отношений, и российские административные органы использовали и используют визовый режим с целью воспрепятствовать католическим священникам отправлять духовные обязанности в России.

Религиозные вопросы становятся все более политизированными. Так, депутат Думы С. Глазьев предложил законопроект, согласно которому Русская православная церковь получила бы ряд привилегий, также признавались бы права ислама и буддизма, но игнорировался иудаизм. Сходный, хотя и менее жесткий законопроект был предложен независимым депутатом А. Чувевым [Независимая... 2003]. Наиболее важными последствиями обоих законопроектов стало разделение на разряды священнослужителей, способных отправлять службу в войсковых частях, и ограничение прав собственности для отдельных конфессий. Весной 2003 г. ряд депутатов организовали блок "В поддержку традиционных духовно-нравственных ценностей", чтобы лоббировать введение специальных привилегий для "традиционных" религий [Moscow... 2003, p. 4].

Политические партии. Федеральный закон "О политических партиях" 2001 г. предусматривает многопартийную систему, что предполагает выборную конкуренцию с некоторой долей неопределенности в отношении результатов выборов (по крайней мере, для должностей ниже президента). Тем не менее в нем есть ряд ограничений, и им можно манипулировать путем административных практик. Партии, объединенные по религиозному признаку, безусловно, запрещены. Требование, что-

бы партия набрала фиксированное число членов по крайней мере в большинстве субъектов Федерации, исключает возможность создания региональных партий (к примеру, сопоставимых с Северной лигой в Италии). Возможно, это положительный момент в том смысле, что не позволяет создавать партии, представляющие регионы-"доноры", или поддерживать региональный сепаратизм.

Помимо формальных запретов, Закон о политических партиях настолько сложен, что в нем можно найти основания для дисквалификации практически любой организации, которую власти сочтут неудобной. Статья 3 требует, чтобы партия предоставила список своих лидеров, включая полные почтовые адреса и номера телефонов. В ситуации, когда телефонная инфраструктура России претерпевает капитальную перестройку, что влечет за собой смену коммутаторов в ряде районов, это легко может послужить предлогом для отказа в регистрации нежелательным партиям. Произвольная оценка достоверности подписей на регистрационных листах кандидатов и на петициях – довольно частый случай.

По-видимому, закон был создан с целью ограничить число партий, принимающих участие в выборах. Тем не менее к февралю 2003 г. около 50 партий сумели зарегистрироваться, около 30 имели право выдвигать кандидатов, и обозреватели вели горячие дебаты о том, какие из них наберут требуемые 5% для представительства в Думе. В июне 2003 г. официально зарегистрированных партий было 51, из которых 40 выполнили необходимое условие регистрации более чем в половине субъектов Федерации. Около 250 общественных организаций были правомочны принимать участие в составе избирательных блоков. В 2007 г. порог для представительства в Думе должен повыситься до 7% с изменением финансовых условий, которые затруднят создание новых партий. Возникает вопрос: может быть, авторы законопроекта были не на высоте, или аппарат политических партий оказался более энергичным и хитроумным, чем предполагалось, или целью создателей закона было не столько ограничить число партий, сколько иметь в своем распоряжении инструмент для пресечения деятельности тех из них, которые преступят неписанные законы управляемого плюрализма? Кроме того, Закон о политических партиях не содержит механизма для исправления одного из наиболее серьезных недостатков российской политической системы: случая, когда президент не принадлежит ни к одной политической партии.

Средства массовой информации. Власть строит свои отношения с российскими средствами массовой информации исходя из политических соображений. В то время как российские печатные органы весьма разнообразны, региональные телевизионные каналы, являющиеся основным источником информации для большинства россиян, подвергаются все большим ограничениям. В противоположность Китаю, где средства массовой информации все еще находятся под прямым политическим контролем, но при этом создают себе прочную экономическую базу, в России лишь немногие из печатных изданий и теле- и радиопрограмм стали самофинансируемыми. Это дает и федеральному правительству, и региональным, и местным политикам ряд рычагов влияния на освещение событий и наказания несогласных [Belin, 2001; 2002]. Ярким примером использования подобных рычагов можно считать преследование В. Гусинского и Б. Березовского. В обоих случаях, как и в случае отстранения Б. Иордана от руководства НТВ в январе 2003 г., официальными причинами были объявлены экономические и коммерческие. Власть использует также налоговую полицию для давления на издания, не желающие с ней сотрудничать [Easter, 2002; Belin, 2002].

Печатные издания редко бывают финансово независимыми. Большинство из них находится на субсидии либо от правительства, либо от частных лиц. В российских регионах пресса более подвержена вмешательству или прямому контролю со стороны местных политических и деловых (а также криминальных) сил.

Электронные средства информации (Интернет) – наименее ограничены в России. Президент отменил введение уже готовой к установке технологии, позволяющей контролировать их содержание. Эта политика совместима с управляемым плюрализмом: менее 10% россиян пользуются Интернетом и менее 4% используют его регулярно.

Хотя приведенное описание управляемого плюрализма предполагает, что российский Президент не стремится к полному контролю над средствами массовой информации, это не значит, что региональные власти или сотрудники кремлевского аппарата не подвержены таким искушениям. В регионах, где политические и деловые интересы местных властей не встречают преград (например, в Калмыкии), условия для работы журналистов трудны, а порой и угрожающи. Ограничение средств массовой информации направлено также и на профессиональные ассоциации журналистов, что проявилось, в частности, в созыве "Медиафорума" в Санкт-Петербурге в июне 2001 г. с целью использовать его для организации нового Медиасоюза, представляющего российских журналистов. Президент новой организации А. Любимов не скрывал своего мнения, что демократия создается "сверху вниз", и вторил призывам правительства к "большей ответственности" со стороны журналистов для "конструктивной" работы [Телескоп, 2001].

"Ручной" Медиасоюз продолжает свою деятельность наряду с более независимым Союзом журналистов. Противоречивая роль нового союза была очевидна во время кризиса с заложниками в театре на Дубровке, после которого Дума приняла закон, резко ограничивающий освещение в прессе террористических актов. Направленность данного законопроекта оказалась столь вопиющей, что Медиасоюз объединился с более независимыми организациями журналистов, которые просили президента вмешаться. Путин потребовал изменить проект закона.

Профсоюзы. Отсутствие коллективных действий или эффективного протеста со стороны рабочих – одна из примечательных черт постперестроечной России. После активных выступлений во время перестройки наступило относительное затишье в проведении забастовок. Исследователи, рассматривающие переходные стадии, объясняют это обстоятельство следующим образом. Во-первых, наблюдается тенденция к демобилизации, следующая за сменой режима [O'Donnell, Schmitter, 1986, p. 27–28; Weigle, 2002, p. 119–120]. Во-вторых, снижение активности рабочего класса обычно совпадает с неолиберальными реформами [Oxhorn, 1998]. В-третьих, глобализация способствует уменьшению формальности организации труда, что в результате приводит к снижению числа организованных союзов [Sassen, 2001]. Все три отмеченных широкомасштабных процесса происходят и в России.

Кроме того, пассивность российского рабочего класса есть также продукт приватизации в России. Многие рабочие уступили свои права владения в обмен на обещание сохранения занятости, в то время как новые владельцы (зачастую прежние администраторы) заключали сделки с местными властями, обещая не допустить безработицу в обмен на субсидии и налоговые льготы. Эти соглашения привели лишь к кратковременной передышке, но в долгосрочном масштабе они представляли собой экономический тупик. Наряду с низкой мобильностью рабочих это позволяет объяснить, отчего подавляющее большинство забастовок вовлекало бюджетников, особенно учителей, при невыплате зарплаты. Большинство учительских забастовок напоминает ежегодный Весенний марш протеста сотрудников Российской академии наук в Москву: многие исследователи и работники образования все еще верят, что просто привлечь внимание к своему бедственному положению и к важности выполняемой ими работы, они смогут побудить руководство к увеличению финансирования. Работники бюджетной сферы должны быть более эффективными политически, способными к лоббированию своих интересов. Попытки режима опекать официальные профессиональные союзы приводят к тому, что организации, созданные по инициативе "сверху", вряд ли будут способны защищать интересы работников, когда эти интересы станут противоречить политике правительства.

Правительство Путина до сих пор не возражало против работы с профсоюзами, оставшимися с советских времен, и новый Трудовой кодекс отражает тесные отношения между Федерацией независимых профсоюзов России (ФНПР) и правительством. Трудовой кодекс усиливает позицию ФНПР относительно альтернативных профсоюзов [Crowley, 2002, p. 237], что очень в духе управляемого плюрализма. Ст. Кроули отме-

чает: "Со стороны правительства тенденция, начавшаяся еще со времен Ельцина, но только усилившаяся при Путине, заключается в том, чтобы обращаться с ФНПР как с официальным и единственным представителем трудящегося населения России. Возможно, она отражает общую склонность Путина к попыткам формирования гражданского общества, послушного его желаниям". Озабоченность этого автора тем, что отношения правительства и профсоюзов "описали полный круг", приводит его к пессимистическому заключению о снижении активности профсоюзов в последующие годы [Crowley, 2002, р. 239, 248]. И все же в начале 2003 г. забастовки авиадиспетчеров, рабочих на предприятии "Норильский никель" и работников Аэрофлота опровергли эти предположения [Reuters, 2003]. Авиадиспетчеры, возможно, представляют собой особую группу бюджетных служащих, но рабочие "Норильского никеля" и Аэрофлота выработали изощренные приемы для разрешения своих разногласий с нанимателями. Кроме повышения оплаты труда, они потребовали большей прозрачности в бухгалтерской отчетности своих предприятий, что позволило бы работникам оценивать свой вклад в успехи фирмы и выдвигать соответствующие требования. Если "управлять" бюджетниками и работниками "виртуальных" предприятий несложно, так как у них мало выбора, то оказывать давление на рабочих успешных предприятий нелегко. Демографическая ситуация в России может привести к нехватке квалифицированной рабочей силы, что также создает дополнительные преимущества работникам.

Гражданское общество. Олицетворением путинского режима управляемого плюрализма стал Гражданский форум, созданный в 2001 г. Попытка Кремля собрать под своей эгидой НПО вызвала отрицательную реакцию. Путин пошел на попятный, осознав, что насильственное вмешательство только дискредитирует и сам режим, и те НПО, которые согласились участвовать в "управляемой" конференции. Власть смогла все-таки создать форум, получить довольно полный список НПО в России и присвоить себе заслугу развития гражданского общества в России. Она осознала необходимость включения широкого спектра организаций в форум. Путин лично присутствовал при открытии заседаний и получил более полное представление о ситуации. Пожалуй, наиболее важным результатом стало то, что представители основных НПО вступили в рабочие отношения с кремлевской администрацией и некоторыми членами правительства, что позволило им действовать более эффективно.

Молодежные группы, как формальные, так и неформальные, – важные элементы гражданского общества, и их позиция имеет решающее значение для будущего. Самая известная из таких групп – молодежная группа "Идущие вместе" – была создана при поддержке Кремля и получает правительственное финансирование прямым и косвенным образом. Правительство бесплатно обеспечивает доставку членов этой организации к месту проведения ее акций, а московский Северный административный округ напрямую ее финансирует.

Если в Москве наибольшее внимание уделяется "Идущим вместе", то в остальной части России преобладают другие тенденции. Российская молодежь одновременно и более космополитична, и более патриотична, чем могут предполагать западные обозреватели [Pilkington *et al.*, 2002]. Есть много других молодежных организаций, и российская молодежь унифицирована по возрастному признаку не больше, чем остальное население России [McFaul, 2003]. Перед молодежью наиболее остро встают две проблемы: резко увеличивающееся расслоение по доступности технического и высшего образования и призыв в армию. Похоже, управляемый плюрализм пока не способен быстро решить эти проблемы.

Предприниматели. Усиленное внимание, уделяемое финансово-индустриальным группам [Johnson, 1997; Лапина, Чирикова, 2002] и большому бизнесу [Дынкин, 2001; Orttung, 2002], порой производит впечатление, что российская экономика превращается в подобие южнокорейской, где несколько крупных конгломератов доминируют над экономическим ландшафтом. Некоторые поборники "азиатского чуда" могут сказать, что по крайней мере это – разумный путь развития [Amsden, Kochanowicz, Taylor, 1994]. Некоторые журналисты в своих книгах вели хронику вовлечения "олигархов" в

политическую жизнь России. По сравнению с Ельциным Путина часто представляют как человека, отодвинувшего на задний план зарождающуюся олигархию, прекратившего частые встречи между руководителями высшего звена и богатыми бизнесменами, ограничившего влияние олигархов на процесс принятия решений и изгнавшего Березовского – наиболее влиятельного и политически непредсказуемого бизнесмена. Гусинский – российский магнат в области средств массовой информации (действительно выстроивший систему органов вещания, а не просто пришедший к власти в уже существующей структуре) – также был вынужден покинуть страну. Для понимания управляемого плюрализма важно, что в преследовании и Березовского, и Гусинского выбор целей был произвольным. Многие российские бизнесмены в своей деятельности почти преступают границы строгой законности, и многие предприятия и акционерные общества могут в любой момент привлечь внимание правоохранительных органов.

Некоторые бизнесмены выражают свое мнение через Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) под руководством А. Вольского. Эта организация претерпела существенные преобразования с 1991 г., причем Вольский все время пытался привлечь и собрать в РСПП достаточное число ведущих предпринимателей, чтобы сделать его влиятельным. В 2000 г. по предложению Путина удалось создать совещательный орган, включавший представителей как большого бизнеса, так и предпринимателей среднего звена [Rutland, 2003; Дынкин, 2001]. Иногда РСПП выступает единодушно, но порой Вольский прибегает к лоббированию в советском стиле в пользу предложений, не получивших поддержку всех участников.

Прямой доступ к президенту был ограничен лишь частично. По отчетам, Путин регулярно встречается с тремя бизнесменами: А. Миллером (Газпром), А. Чубайсом (РАО "ЕЭС") и О. Дерипаской (Сибал/ОКСА и ГАЗ). Причем частые контакты с двумя первыми объяснимы их петербургскими связями с Путиным, а также тем, что каждый из них руководит монопольным предприятием, в котором государство имеет контрольный пакет акций. В целом можно сказать, что путинская предвыборная кампания началась с его Послания Федеральному Собранию РФ 16 мая 2003 г., и за его взаимоотношениями с олигархами будут пристально следить с приближением выборов в марте 2004 г. Особенно напряженный период наступит после выборов в Думу 7 декабря 2003 г., которые, по-видимому, послужат отборочным этапом для возможных конкурентов Путина в борьбе за пост президента.

В противовес крупным группам бизнесменов и местным чиновникам, чьи запреты и коррупция душат мелкий частный бизнес, кремлевская администрация в августе 2001 г. попыталась взять под опеку развитие местных ассоциаций предпринимателей, подталкивая бизнесменов организовываться в союзы для защиты своих интересов (и, конечно, для поддержки политики президента). Реакция на эту вербовку была различной. В некоторых регионах предприниматели сумели организовать и действовать сообща. В Волгограде им удалось отменить предполагаемое удвоение местного налога на предпринимателей. Но во многих регионах организации предпринимателей остались разобщенными, в них объединились разные группы и лица, конкурирующие между собой и использующие ресурсы своего бизнеса для удовлетворения политических амбиций.

Во многих регионах законодательные собрания превращаются в ассамблеи предпринимателей [Ortung, 2002; Крыштановская, 2003], что документально подтвердили на материалах Ярославля и Самары Н. Лапина и А. Чирикова [Лапина, Чирикова, 2002]. Это также видно на примере парламента Республики Саха (Якутия) и регионального законодательного собрания Ханты-Мансийского автономного округа.

Кремлевская администрация добилась большего успеха в изменении законов о банкротстве, в попытке ограничить практику захвата крупными компаниями других, финансово жизнеспособных, на основании "формальных несоответствий". Исход таких действий обычно зависит от того, кто влияет на местные судебные органы. Кремлевская администрация, возможно, хотела получить "зубастый" закон о банкротстве, но "зубы" оказались ядовитыми. Компании, объявленные несостоятельными, продолжают свою деятельность [Gustafson, 1999, p. 228], в то же время прибыльные компании

объявляются банкротами и захватываются с использованием сомнительных процедур на основе исков по ничтожным денежным суммам [Lambert-Mogiliansky, Sonin, Zharavskaya, 2000; Tavernise, 2000]. Логика управляемого плюрализма такова, что закон о банкротстве одновременно и поощряет эффективную деловую активность, и дает механизм для наказания оппонентов. Но кремлевская администрация не учла того, что другие действующие лица смогут использовать закон в собственных целях. Политика путинского режима, затрагивающая бизнес, отражает увеличивающуюся сложность российской экономики, которая большей частью продолжает оставаться ресурсно ориентированной.

Реформа государственной службы будет одной из наиболее серьезных проблем для путинского режима управляемого плюрализма в его (предположительно) второй президентский срок. Возможно ли добиться честности и прозрачности в деятельности чиновников, которые в то же время являются проводниками произвола режима? В разговорах и интервью, проведенных мною в Москве в мае 2003 г., рефреном звучала мысль, что Путин и некоторые из его министров пытаются все "делать по-хорошему", но бюрократия постоянно срывает их планы. Это не только удручающе похоже на "если бы царь-батюшка знал", но также и укрепляет важность недвусмысленных сигналов "сверху" о том, что законность и прозрачность должны быть нормой. Маловероятно, что бюрократия среднего звена или местные чиновники радикально изменят свое поведение, если они видят, что кремлевская администрация принимает решения, основанные на произволе. Дж. Кан указывает, что признаки увеличивающейся опоры на закон имеют два аспекта. С одной стороны, важный шаг в сторону правовой системы – то, что путинская администрация считает необходимым разрешение проблем, связанных с федеративными взаимоотношениями, путем правовых процедур. С другой стороны, если этот процесс будет основан на политизации судебной системы и влиянии на судей в плане принятия решений, угодных Центру, надеяться на автономию судебной системы будет трудно [Kahn, 2003].

Взаимоотношения внутри Федерации и местная политика. За исключением Чечни, взаимоотношения с субъектами Федерации, руководителями регионов и местными органами самоуправления, основанные на управляемом плюрализме, становятся все сложнее. Создание единого правового пространства до сих пор претерпевает значительные трудности [Hendley, 2002; Solomon, 2002; Hahn, 2003]. Федеральные власти ведут большую работу по совмещению республиканских конституций с федеральным законом, но пока избегают браться за решение проблем, вызванных нарушением режима прописки или дифференциальным ценообразованием. В некоторых регионах удалось навести порядок, но в других, в особенности в приграничных районах, противозаконные практики продолжались [Balzer, 2003, p. 108].

Выборы губернаторов характеризуются порой откровенным вмешательством Кремля, которое не всегда бывает успешным (кандидаты, выдвинутые Кремлем, одерживают победу примерно в половине случаев). Но у администрации президента есть другие рычаги контроля за оппозиционными губернаторами. Чирикова и Лапина описывают использование рычагов, основанных на экономическом и судебном давлении, на привлечении средств массовой информации и т.д. [Chirikova, Lapina, 2001, p. 392–393]. Хейл отмечает, что губернаторы, избранные как коммунисты, неизбежно остаются коммунистами [Hale, 2003]. Изменения, ведущие к большему разнообразию в отношениях между Центром и регионами, могут возникнуть не столько благодаря "силовым играм" между Кремлем и чиновниками региональной исполнительной власти, сколько в результате появления новых экономических интересов в регионах [Barnes, 2003; Orttung, 2002; Лапина, Чирикова, 2002].

Хейл описывает политическую машину, созданную региональными руководителями, подчеркивая степень власти, находящейся в их распоряжении [Hale, 2003]. А. Барнс также отмечает власть региональных лидеров, противостоящую попыткам центрального правительства повлиять на выборы в регионах [Barnes, 2003]. Часто эти попытки заканчиваются провалом, поскольку результаты зависят от интересов мест-

ного бизнеса. Дж. Хан отмечает, что "во многих регионах реформы привели к потенциальному усилению демократии и институтов, на которые она опирается" [Hahn, 2003]. То, что Хан рассматривает как потенциально демократизирующее равновесие между законодательной и исполнительной властью в регионах благодаря путинскому "гармонизирующему стимулу", другие исследователи определяют как функцию большей вовлеченности интересов бизнеса в местное законодательство. Лапина и Чирикова подчеркивают скорость изменений, произошедших со времени девальвации рубля в 1998 г., что создало существенные преимущества для бизнеса в регионах. Они называют это явление "вторичным перераспределением собственности" [Лапина, Чирикова, 2002, с. 8], что напоминает "постоянное перераспределение", описанное Дж. Хеллманом [Hellman, 2002]. В большинстве регионов в законодательных органах преобладают депутаты, выдвинутые основными предприятиями, либо депутатский мандат получили руководители этих предприятий.

Логично ожидать, что гибридная политическая система и гибридная экономика смогут "произвести" гибридную элиту. Именно это П. Глаттер обнаружил в Тюмени [Glatter, 2003], а Лапина и Чирикова – в Ярославле и Самаре, называя это "мозаичной" элитой: "Региональная элита, состоящая из ключевых фигур в администрации, бизнесе и политике, не однородна ни по возрасту, ни по социальному составу, ни по опыту и жизненным ценностям" [Лапина, Чирикова, 2002, с. 8]. Избегая откровенной дихотомии между преемственностью и замещением элит, характерной для большинства писавших о российских элитах, эти авторы находят, что элиты в важнейшем нефте- и газодонном регионе России, а также в Ярославле и Самаре представляют собой смесь старых и новых деятелей. Более того, они демонстрируют, что некоторые представители старой элиты сменили свои политические взгляды. Глаттер доказывает, что команда Путина, возможно, успешно подчинила себе Совет Федерации и внедрила новый слой административной бюрократии, создав семь федеральных округов, но тем не менее ни одно из этих изменений не затронуло действительный источник власти местных элит – их контроль над местными ресурсами и местными политическими системами. Он представляет убедительные доказательства, хотя не рассматривает административные рычаги, находящиеся в распоряжении центральных властей, описываемые в более ранней работе Чириковой и Лапиной [Chirikova, Lapina, 2001].

Если А. Коницер-Смирнов и Хейл правы в своих заключениях об известном влиянии региональных выборов на успешность экономических показателей, это означает, что попытки центрального правительства управлять исходом губернаторских выборов могут серьезно подорвать экономическую целесообразность. Коницер-Смирнов находит, что региональных руководителей все больше начинают оценивать по их экономическому успеху и что краткосрочные популистские программы чаще всего приводят к провалу, поскольку они не способствуют экономическому росту, необходимо для непрерывных трат на социальные нужды [Konitzer-Smirnov, 2003; Hale, 2003].

Представители президента в семи новых федеральных округах играют сложную роль. Их попытки обеспечить соответствие местного законодательства федеральному закону ограничивают региональную автономию, что может рассматриваться и как положительный, и как отрицательный фактор. Регионы с богатыми природными ресурсами озабочены тем, что именно Центр будет определять, кто получит выгоду от этих ресурсов. В то же время защита частных предпринимателей от местных властей, намеревающихся повернуть приватизацию вспять, – оплот для зарождающейся российской рыночной экономики. Возрастающая сложность политики в некоторых регионах напоминает "плюрализм за отсутствием альтернативы" тем, что он способен развиваться в истинный плюрализм. Быстрые изменения в экономически динамичных регионах могут оказаться серьезной угрозой для управляемого плюрализма, и это позволяет нам понять некоторые из важнейших шагов, сделанных Путиным в течение первого президентского срока.

Путинский режим характеризуется такими серьезными достижениями, как налоговая реформа, принятие закона о корпорациях, гражданского, трудового кодексов

и создание более стабильной обстановки для бизнеса. Тем не менее в России интерпретация, применение и осуществление законности, а также подотчетность чиновников всегда были самыми большими препятствиями. Управляемый плюрализм Путина является квазиинституциональным, несмотря на то, что во многих областях красной нитью проходит мысль о необходимости установить единое правовое пространство [Sharlet, 2001]. Например, Хендли указывает на усиление роли судов и считает это признаком их возросшей эффективности, хотя это также может быть отражением нарастающего судебного бюрократизма и произвольного банкротства как метода захвата компаний [Hendley, 1997; 2002].

* * *

Руководящий стиль Путина на посту президента хорошо вписывается в режим управляемого плюрализма по нескольким важным признакам. Он предпочитает сначала занять максималистскую позицию, но при серьезном противостоянии ищет компромисс. Нападки на Совет Федерации в 2000–2001 гг. – хороший пример такого подхода [Sharlet, 2001], как и ситуация с Гражданским форумом. Путин часто пускает пробные шары. Это было очевидно в случае с предложением продлить срок полномочий президента до семи лет после выборов в 2004 г., что позволило бы ему занимать пост в течение двух семилетних сроков подряд в добавление к его нынешнему четырехлетнему сроку.

Каково бы ни было влияние Путина на российскую экономику и политическую систему, управляемый плюрализм, похоже, был создан для укрепления президентской власти. Однопартийный режим произвел бы плохое впечатление на Запад, но также сделал бы президента заложником единственной партии. Ограничение средств массовой информации одной "генеральной линией" вызывает недовольство поборников свободы прессы, а изменения в политике принимают характер "отката назад" в духе советской эпохи. Если же пресса отражает разногласие мнений, президент может лавировать в своей политике, отсекая действительно угрожающие или раздражающие издания. В этом же ключе полностью ручные профсоюзы лишают власть рычага воздействия на бизнес; единый блок бизнеса может стать слишком влиятельным; полностью контролируемые НПО представляют собой логическую несообразность. Ограниченное разнообразие кажется наилучшим выходом в каждом из этих случаев.

Концепция управляемого плюрализма не противоречит нескольким существующим моделям российской политики, а скорее помогает уловить некоторые оттенки ситуации. Она, безусловно, совместима с весомыми доводами М. Фиша о разрушительном влиянии сверхпрезидентализма [Fish, 2001⁴; 2001⁶]. Противоречивый характер управляемого плюрализма обуславливается именно тем, что президент и его администрация обходят политические и правовые институты [Huskey, 2001; Hanson, 2001], которые они в то же время продвигают. Управляемый плюрализм предполагает, что президентская власть не абсолютна и что число политических действующих лиц будет расти со временем вместе с увеличивающейся сложностью российской экономики. П. Реддауэй вполне справедливо задал вопрос о пределах власти Путина. Управляемый плюрализм помогает нам рассматривать эти пределы в контексте увеличивающегося социального, экономического и регионального разнообразия, а также в контексте все еще значительных административных ресурсов режима (к сожалению, исходно негативных) [Reddauay, 2002]. Концепция управляемого плюрализма во многом созвучна анализу "управляемой демократии", проделанному Т. Коултоном и М. МакФолом [Colton, McFaul, 2002] и многими другими аналитиками. Я утверждаю, что понятие управляемого плюрализма фокусирует внимание на ключевых характеристиках путинского режима, которые не соответствуют демократии. "Управляемая демократия" маскирует необходимость смены режима для ограничения или устранения возможных менеджеров.

Обсуждения гибридных режимов, неоплюрализма, "плюрализма за отсутствием альтернативы", конкурентного авторитаризма и "демократии с определениями" пытаются дать характеристику режимов, сочетающих признаки демократии и авторитаризма. Несмотря на озабоченность исследователей, занимающихся прогнозами, для большинства аналитиков (и, безусловно, для народов, живущих при этих режимах) главным вопросом является возможное направление развития. Если Путин намерен возродить статус России как мировой державы, он может повернуть управляемый плюрализм в направлении авторитаризма. Если он сможет избежать этого искушения, то экономическая интеграция с Западом, увеличивающееся разнообразие экономической и социальной жизни России постепенно приведет страну к демократии. Как предостерегает Л. Даймонд, эта эволюция не будет ни быстрой, ни легкой [Diamond, 2002]. В истории мало примеров, когда элита альтруистично поступалась бы своими политическими и экономическими преимуществами. Без большой встряски возобладают законы инерции: управляемый плюрализм сможет просуществовать на всем протяжении путинской эры, а вполне возможно, и после нее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дынькин А. Интегрированные бизнес-группы – прорыв к модернизации страны. М., 2001.
- Крыштановская О. Люди Путина // Ведомости. 2003. 30 июня.
- Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е. Регионы-лидеры: экономика и политическая динамика (на примере Ярославской и Самарской областей). М., 2002.
- Независимая газета. 2003. 4 марта.
- Телескоп. 2001. 27 июня.
- Amsden A.H., Kochanowicz J., Taylor L. The Market Meets Its Match: Restructuring the Economies of Eastern Europe. Cambridge (Mass.), 1994.
- Aslund An. Building Capitalism: The Transformation of the Former Soviet Bloc. Cambridge (U.K.)–New York, 2001.
- Balzer H. Demography and Democracy in Russia: Human Capital Challenges to Democratic Consolidation // Demokratizatsiya. Win. 2003. Vol. 11. № 1.
- Barnes A. Russia's New Business Groups and State Power // Post-Soviet Affairs. Apr.–June 2003. Vol. 19. № 2.
- Belin L. Political Bias and Self-Censorship in the Russian Media // Contemporary Russian Politics: A Reader. Oxford (U.K.)–New York, 2001.
- Belin L. The Fall and Rise of State Power over the Russian Media 1995–2001. Unpublished Doctoral Dissertation. Oxford (U.K.), 2002.
- Bunce V. Rethinking Recent Democratization: Lessons from the Post-Communist Experience // World Politics. Jan. 2003. Vol. 55. № 2.
- Chikirova A.I., Lapina N. Political Power and Political Stability in the Russian Regions // Contemporary Russian Politics: A Reader. Oxford (U.K.)–New York, 2001.
- Colton T., McFaul J.M. Are Russians Undemocratic? // Post-Soviet Affairs. Apr.–June 2002. Vol. 18. № 2.
- Crowley St. Comprehending the Weakness of Russia's Unions // Demokratizatsiya. Spr., 2002. Vol. 10. № 2.
- Diamond L. Thinking About Hybrid Regimes // Journal of Democracy. Apr. 2002. Vol. 13. № 2.
- Easter G. The Russian Tax Police // Post-Soviet Affairs. Oct.–Dec. 2002. Vol. 18. № 4.
- Fish M. Democracy from Scratch: Opposition and Regime in the New Russian Revolution. Princeton (N.J.), 1995.
- Fish M.St. The Dynamics of Democratic Erosion // Post-Communism and the Theory of Democracy. Princeton (N.J.)–Oxford (U.K.), 2001^a.
- Fish M.St. When More Is less: Superexecutive Power and Political Underdevelopment in Russia // Russia in the New Century: Stability or Disorder? Boulder (Col), 2001^b.
- Frye T. The Perils of Polarization: Economic Performance in the Postcommunist World // World Politics. Apr. 2002. Vol. 54. № 3.
- Glatter P. Continuity and Change in the Tyumen' Regional Elite 1991–2001 // Europe-Asia Studies. May 2003. Vol. 55. № 3.
- Gustafson Th. Capitalism, Russian-Style. New York–Cambridge (U.K.), 1999.
- Gvosdev N.K. "Managed Pluralism" and Civil Religion in Post-Soviet Russia // Civil Society and the Search for Justice in Russia. Lanham (Md), 2002^a.
- Gvosdev N.K. Mexico and Russia: Mirror Images? // Demokratizatsiya. Fall 2002^b. Vol. 10. № 4.

- Hale H.E.* Explaining Machine Politics in Russia's Regions: Economy, Ethnicity, and Legacy // Post-Soviet Affairs. July–Sep. 2003. Vol. 19. № 3.
- Hahn G.M.* The Impact of Putin's Federative Reforms on Democratization in Russia // Post-Soviet Affairs. Apr.–June. 2003. Vol. 19. № 2.
- Hanson S.T.E.* Defining Democratic Consolidation // Post-Communism and the Theory of Democracy. Princeton (N.J.)–Oxford (U.K.), 2001.
- Hellman J.* Russia's Transition to a Market Economy: A Permanent Redistribution? // Russia After the Fall. Washington (D.C.), 2002.
- Hellman J.* Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Post-Communist Transition // World Politics. Jan. 1998. Vol. 50. № 2.
- Hendley K.* Legal Development in Post-Soviet Russia // Post-Soviet Affairs. July–Sep. 1997. Vol. 13. № 3.
- Hendley K.* Suing the State in Russia // Post-Soviet Affairs. Apr.–June. 2002. Vol. 18. № 2.
- Howard M.M.* The Weakness of Postcommunist Civil Society // Journal of Democracy. Jan. 2002. Vol. 13. № 1.
- Howard M.M.* The Weakness of Civil Society in Post-Communist Europe. Cambridge (U.K.)–New York, 2003.
- Huskey E.* Political Leadership and the Center-Periphery Struggle: Putin's Administrative Reforms // Gorbachev, Yel'tsin and Putin: Political Leadership in Russia's Transition. Washington (D.C.), 2001.
- Inglehart R.* Political Culture and Democratic Institutions: Russia in Global Perspective. Washington (D.C.), 2000.
- Johnson J.* Russia's Emerging Financial-Industrial Groups // Post-Soviet Affairs. Oct.–Dec. 1997. Vol. 13. № 4.
- Kahn J.* Moscow vs. Kazan: Constitutions on Trial // RFE/RL Russian Political Weekly. June 20, 2003. Vol. 3. № 24.
- Kiselyova E., Castells M.* Russia in the Information Age // Russia in the New Century: Stability or Disorder? Boulder (Col), 2001.
- Konitzer-Smirnov A.* Incumbent Electoral Fortunes and Regional Economic Performance during Russia's 2000–2001 Regional Executive Election Cycle // Post-Soviet Affairs. Jan.–Mar. 2003. Vol. 19, № 1.
- Lambert-Mogiliansky A., Sonin K., Zhuravskaya E.* Capture of Bankruptcy: Theory and Evidence from Russia. CEPR Discussion Paper № 2488. London, 2000.
- Levitsky S., Way L.A.* The Rise of Competitive Authoritarianism // Journal of Democracy. Apr. 2002. Vol. 13. № 2.
- Montinola G.R., Jackman R.W.* Sources of Corruption: A Cross-Country Study // British Journal of Political Science. Jan. 2002. Vol. 32. Part. 1.
- Moscow Times. May 23, 2003.
- McFaul M.* Generational Change in Russia // Demokratizatsiya, 2003. Vol. 11. № 1.
- O'Donnell G.* Illusions about Consolidation // Journal of Democracy. Apr. 1996. Vol. 7. № 2.
- O'Donnell G., Schmitter Ph.C.* Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions About Uncertain Democracies. Baltimore (Md), 1986.
- Ortung R.W.* Business and Politics in the Russian Regions. (Unpublished manuscript). 2002.
- Oxhorn Ph.D.* Is the Century of Corporatism Over? Neoliberalisms and the Rise of Neopluralism // What Kind of Democracy? What Kind of Market? Latin America in the Age of Neoliberalism. Pennsylvania, 1998.
- Pilkington H., Omel'chenko E., Flynn M., Bliudina U., Starkova E.* Looking West? Cultural Globalization and Russian Youth Cultures. Pennsylvania, 2002.
- Reddaway P.* Is Putin's Power More Formal than Real? // Post-Soviet Affairs. Jan.–Mar. 2002. Vol. 18. № 1.
- Remington Th.F.* Politics in Russia. New York, 2002.
- Rutland P.* Putin and the Oligarchs // Putin's Russia: Past Imperfect, Future Uncertain. Lanham (Md)–Boulder (Col), 2003.
- Sassen S.* The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton (N.J.)–Oxford (U.K.), 2001.
- Sharlet R.* Putin and the Politics of Law in Russia // Post-Soviet Affairs. July–Sep. 2001. Vol. 17. № 3.
- Solomon P.H., jr.* Putin's Judicial Reform: Making Judges Accountable As Well As Independent // East European Constitutional Review. Win./Spr. 2002. Vol. 11. № 1, 2.
- Tavernise S.* Using Bankruptcy as a Takeover Tool // The New York Times. Oct. 7, 2000.
- Way L.* Pluralism by Default in Moldova // Journal of Democracy. Oct. 2002. Vol. 13. № 4.
- Weigle M.A.* On the Road to the Civic Forum: State and Civil Society from Yel'tsin to Putin // Demokratizatsiya. Spr. 2002. Vol. 10. № 2.